

Валерий Романов

Феликс Шиндер: «В Таллинн я привез настроение южной солнечной Одессы»

Как рассказали мне знакомые таллинцы, ему это удалось. При полном аншлаге равнодушных в зале не было – все веселились и подпевали, как говорится, от души.

Впервые я по-настоящему услышал и увидел коллектив «Деньги вперед», тогда возглавлявшийся Феликсом Шиндером, на сорок первом дне рождения Меэлиса Кубитса, который устраивал его в одесском дворе на Мясоедовской в рамках программы «В Одессе мир и праздник!» в 2015 году. Ведущим на этом чисто одесском дворовом празднике был журналист и редактор Феликс Кохрихт. Когда началась фотосессия, многие

старались запечатлеть себя между двумя Феликсами! Яркий одесский дух Шиндера и группы «Деньги вперед», его умение вписаться в сложную конструкцию одесского дворового праздника произвели большое впечатление не только на меня, но и на всех гостей.

Здесь, наверное, уместно добавить историческую справку, чтобы было ясно, откуда вообще взялся этот дворовой праздник.

Народная дипломатия в отношениях между Одессой и Таллинном началась еще в 1977 году, когда я еще студентом приехал на пару месяцев на практику в столицу Эстонии. Город пришелся мне по душе, и я познакомился там со многими. Райво Райдам, один из самых популярных в то время в Эстонии ведущих дискотек, захотел приехать в Одессу и посмотреть, что это за чудесный город, о котором я так много рассказываю. Вот после этого и началась настоящая культурная народная дипломатия.

В Одессу приезжали при нашем с Райво содействии целые культурные десанты, в Таллинне выступали Татьяна Боева и Юрий Кузнецов, проходили выставки одесских художников. В 1997 году по нашей инициативе и организационной поддержке мэрий был подписан официальный договор о дружбе между Одессой и Таллинном. Регулярно происходило много интересного, в том числе и во взаимодействии со Всемирным клубом одесситов. В силу различных причин Р. Райдам уже немного устал и не мог на прежнем уровне с эстонской стороны

продвигать многочисленные культурные проекты. Флаг народной дипломатии и культурных связей подхватил Меэлис Кубитс, который еще в свой первый приезд в Одессу в 2008 году просто влюбился в наш город. Он организовал совместно с ВКО и другими лидерами культурной жизни Одессы множество мероприятий, среди которых «Таллинн едет в Одессу», «Одесса едет в Таллинн»; поддерживает фестиваль «Odessa Classics» и так далее и тому подобное. Меэлис и сейчас много занимается организацией гуманитарной помощи для Одессы: недавно привозил эстонских музыкантов с благотворительным концертом.

Но вернемся к герою нашего повествования.

С тех пор я видел много выступлений Феликса уже без «Денег»... Парень явно прогрессирует. И что отличает его от множества авторов и исполнителей одесских песен – это трепетное отношение к материалу, вхождение в образ без излишней одесскости в произношении. Конечно, в записи передается не весь колорит его исполнения, и я немного завидую европейским зрителям, которые могут сейчас бывать на его концертах. Уверен, что и в Одессе мы его еще услышим. А пока пусть раскроет перед нами свою душу.

– Тебя часто спрашивают, имеешь ли ты отношение к герою знаменитого фильма Спилберга. Ведь ваши фамилии очень похожи.

– Шалом бонжур. Перед выходом на сцену, если есть ведущий, я прошу его проговорить вслух мою фамилию за кулисами. Убеждаюсь, что он написал «Шиндер». Господин Оскар Шиндлер, а также компания Schindler Group, производящая лифты и эскалаторы, не имеют ко мне никакого отношения.

Кстати, у меня есть свой список – Шиндера. В нем люди, которые проходят на концерт по приглачительным.

– Часто можно услышать разговоры, что Одесса уже не та, что одесский дух ушел... Как ты и твоё поколение, те, кому за тридцать, это воспринимают?

– Я сам себе иногда жалею, что Одесса не та. Без французов, греков, итальянцев... Среди них были изумительные люди. Больше таких почти не делают... Это факт, и от него не уйти. Море такое же, бычки те же, коты те же, а люди – нет. Я, пожалуй,

сохранил в себе одесскость местами «ту» благодаря родителям, которые говорили, как надо, думали, как надо. Они хранили кодекс одессита, не говоря о нем ни слова. Это мне передалось с молоком матери. Мы уехали в Израиль и вернулись. Из США нам пришел отказ, когда я был очень маленький еще, но я помню конверт и то, что он был из США. И слава Богу, что остались. Хотя жизнь была тяжелая. Мы чего только ни делали, чтобы иметь что поест.

- Ты изучал историю одесской песни? Что можешь об этом рассказать?

- Сначала я сочинил свою песню про капитана по форме, бродягу по душе. Потом еще спел пару одесских хитов – и меня пригласили на кастинг в ресторан «Франзоль», что на Дерибасовской в Городском саду. Надо было дополнять репертуар, и я работал над этим. Вслушивался, копировал мелодику, мне понравился Алик Ошмянский – задорный и какой-то бесшабашный (сегодня это имя известно в основном специалистам, но Алик действительно был колоритный исполнитель одесских песен. – В. Р.). По нему я делал многие песни, не по Утесову. Все эти псевдоодесские мансы вроде исполнения Аркаши Северного, Кабановой и т. д. у меня всегда вызвали рвотный рефлекс сразу же. Возможно, тут меня захотят закидать мокрыми тряпками. Вот Высоцкий пел и не кривлялся, круто у него выходили одесские песни его сочинения. Понимаю, что был спрос на жанр и что многие работали, и, кстати, продолжают копировать, ужасно кривляясь. А я изучаю, спрашиваю у стариков, что они помнят, как пели, где были рестораны, где играли, какие песни были в репертуаре, вслушиваюсь в записи. Так и изучаю.

- У тебя колоритные семейные корни: прадед – астроном Адольф Цесюлевич из Риги, по маминой линии дед – инженер, мать – музыкант. А пишут еще и о французских корнях... И из такого коктейля кровей вышел певец. Как это получилось? Что тебя натолкнуло? Ведь ты перепробовал много разных профессий.

– Моя мама очень хороший пианист. И благодаря ее воспитанию и тому, что я много слушал, как она проникновенно играла, с чувством, у меня развились слух и ощущение, что такое настоящее исполнение музыки. Спасибо моей дорогой любимой мамочке!

У меня интересные корни – это да. По папе еврейские, по маме – еврейско-польско-французско-латышско-украинские. Сразу так и не расскажешь. Но знаю одно: в роду у меня есть достойные люди. Если бы не советская власть и две войны, мы бы жили лучше. У нас было имение в Петровверовке – отобрали, конечно. Прадеда-астронома затюкали,

и он умер в пятьдесят лет от инфаркта по дороге в обсерваторию. А сколько наших родственников погибло на войне...

Фамилию Шиндер мама поменяла на Морозову, чтобы поступить в музыкальное училище. Тогда в училище был лимит на евреев. Разве это не гадко? Антисемитизм чистой воды. Еврейская преемственность была утеряна. Я возрождаю в себе то, что могу представить, почувствовать, вспомнить на уровне генетического кода. Что такое семьдесят два – семьдесят три года темноты? Тьфу! Все вспомню. «Аз ох эн вэй, будем жить!»

– В каком районе Одессы ты родился? Какие песни слышал с детства?

– Я родился на Пересыпи, вырос на Черемушках, а до этого семья жила на Троицкой угол Маразлиевской (это самый центр Одессы. – В. Р.). Дали квартиру в хрущевке, и это было счастье. Кстати, спустя двенадцать лет мы вернулись на Троицкую,

мне там очень нравилось. Парк рядом, на море гонял каждый день с пирса рвать мидии. Руки ободранные, спина и шея сгоревшие – счастливый и голодный. Босиком до дома добежишь, потом к однокласснику на Бебеля или просто по Канатной где-то ходишь. На Черемушках не то: гаражи и каштаны с одинаковыми школами, домами, детсадиками, поликлиниками. Приезжаю иногда – и плакать хочется от воспоминаний. Песни я слушал на пластинках. «Бременские музыканты»... Ох, как я долго стоял у проигрывателя, слушая сказки с пластинок... Как сейчас помню: стою у зеленой светящейся полосочки проигрывателя, и там легонечко шуршит пластинка. Кайф! Бабушка моя слушала Вилли Токарева, и я, придя к ней, погружался в эти эмигрантские песни Вилли – «небоскребы, небоскребы, а я маленький такой, то мне грустно, то мне страшно, то теряю свой покой». Кажется, так? Папа напевал песенки, когда мы на машине ездили: «На Дерibasовской открылася пивная» и т. д.

– Вернемся к песне. Ходит много разговоров о том, зачем нам классический клезмер, что нужно использовать современные аранжировки, нужно петь доступно публике. Зачастую это приводит к банальной смеси эстрадной попсы и примитивного ресторанного саунда. Интересно твое мнение.

– Вообще, что сейчас происходит в мире музыки клезмер – это такой базар-вокзал. Каждый хочет сказать, что он клезмер. А что это значит, и вообще, можешь ты им быть или нет – это никого не интересует. Чтобы быть клезмером, недостаточно просто снять на слух мелодию или слова. Я так делал – и понимаю, что это значит. Если ты сыграл десять песен Би Би Кинга и выучил блюзовую гамму, ты не блюзмен, а просто человек, сымитировавший блюз. Думаю, есть два пути: либо ты от Бога эту музыку чувствуешь – и работаешь, узнаешь, учишься; либо ты учишься, работаешь и в результате неплохо подражаешь. А так большинство просто слово к себе приклеили – и стали клезмерами с ходу.

Это сложный жанр: работу надо вести во всех направлениях. От ремиксов хороших получаю удовольствие. А чего нет?

– И все-таки, что, по-твоему, одесская песня? Ведь как и вся одесская культура, это не только еврейский мотив на русском языке, а нечто интернациональное, мультикультурное – в высоком смысле этого слова.

– Одесская песня – это суть нашего города. Смесь всего, где хорошо может проследиваться каждый, кто громче крикнет! Вот тебе – бац! – и пара слов на идиш. Эклектика. Хорошо! Но, конечно, в массе своей эти песни сочинены людьми еврейского происхождения. Юмор у евреев своеобразный, а эта специя в песне нашей самая главная.

– Чтобы работать вместе с тобой, нужно обязательно быть одесситом?

– Чтобы со мной работать, надо быть хорошим музыкантом. Это значит импровизировать, когда надо, и ровно играть то, о чем договорились ранее. А еще – не делать мне нервы во время гастролей. Надо держать фасон и не носить кроссовки под брукки. Равно как и туфли под джинсы.

– Сейчас ты много гастролируешь в Европе. Как тебя воспринимают местные жители? Понятно, что потомки эмигрантов и беженцы – на ура, а европейцы? Насколько им интересны наша песня, наша культура?

– Хочу заметить, что наши песни я пел не только европейцам, но и эквадорцам, бразильцам и перуанцам во время гастролей по Южной Америке. Вот это был вызов! В Бразилии было туго, во время карнавального месяца после Рио они не были чувствительны ни к чему, кроме самбы. А вот в Эквадоре даже индейцы неплохо так подпевали «Лимончики» после моей работы в качестве энтертейнера. Я дал себе слово, что они будут танцевать, – или я не из Одессы. В общем, тельняшку я там, конечно, порвал на себе, но успех был сто процентов. Мы выступали на одном празднике: сборная солянка артистов местных – и мы. Никогда не забуду, как после местного коллектива, показывавшего танец с копиями, я вышел в смокинге и сказал: «Шалом бонжур, мы из Одессы!». Ох, было круто.

В Европе публика ценит колорит других стран, людям интересно, о чем я пою. Я немного говорю на всех языках и объясняю, что этот весь кипиш значит. С публикой в Европе у меня проблем нет, всем нравится. Все подпевают и танцуют.

Фото из архива Феликса Шиндера

